

сти Е.П. Майковой «Недоумение» // *Juvenilia*: Сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 4. Томск, 1999. С. 42–44.

6. Жияякова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Ф.М. Достоевского. Томск, 1989. С. 224.

7 Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Человек в мире слова. М. 1995. С. 52.

© О.Г. Сидорова
Екатеринбург

НА ПУТИ К ДИАЛОГУ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКИ

Проблемы, связанные с возникновением, развитием, изменением литературного канона, обсуждаются в англоязычном литературоведении оживленно и давно: «Канон, о котором идет речь, – иерархия западной литературы, до недавнего времени признававшаяся как читательской аудиторией – интуитивно, так и специалистами – рефлексивно... На практике отбор и иерархия всегда неизбежны – хотя бы потому, что существуют школьные и университетские программы, куда можно втиснуть лишь ограниченное число авторов, и этот список необходимо подкреплять каким-то принципом» [1, 192].

Итак, в сознании читателей национальный литературный канон иерархичен, в силу сложившейся традиции он обладает достаточной устойчивостью и определенностью, несмотря на то, что он подвержен разнообразным влияниям исторического, идеологического, даже случайного характера. Отметим также, что разница в восприятии литературы читателями – носителями данного языка и культуры и восприятии той же литературы иностранцами бывает, как правило, достаточно ощутимой. Оценивая с этой точки зрения классическую английскую литературу, профессор Оксфордского университета Карен Хьюитт констатирует: «Величайший из наших поэтов-романтиков – Водсворт; среди тех, кто занимается этим периодом, также весьма популярны Блейк и Китс. Русские же, как немцы и французы, отдают предпочтение Скотту и Байрону, и не за их выдающиеся литературные качества, а за идеи и взгляды, которые они выражали. Это хорошие писатели, но для нас они не являются центральными фигурами литературного процесса... И британцы, и русские с удовольствием читают викторианскую прозу, но и здесь есть свои различия. Вы выше всех ставите Диккенса, Теккерея и сестер Бронте. Большинство из нас уверено, что наш величайший прозаик этого периода – Джордж Элиот, или, по крайней мере, она делит это место с Диккенсом. Почему-то Джордж Элиот мало известна за границей. Наверное, не стоит говорить, что она стоит рядом с Толстым, но «Анна Каренина» и «Миддлмарч» – романы одного – мирового – уровня. Для нас Стивенсон – второстепенный писатель, Конан-Дойль – автор

развлекательного жанра, Гарди – автор великих (и популярных) романов» [2, 87].

Не подлежит сомнению высокая международная репутация классической русской литературы XIX века, но она основана прежде всего на известности писателей-прозаиков. Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев, даже Гоголь действительно пользуются на Западе уважением и любовью. Гораздо меньше известны иностранным читателям имена русских поэтов. Особое отношение вызывает за рубежом Пушкин.

Если проанализировать отношение к А.С. Пушкину и его творчеству в англоязычном мире, то следует признать, что в Америке он более популярен, чем в Британии. Именно в Соединенных Штатах в 1846 году появился первый перевод Пушкина на английский язык – раньше, чем в любой западноевропейской стране. Что касается Великобритании, ситуацию здесь можно описать следующим образом: имя Пушкина знакомо специалистам в области литературы, но его произведения, многократно переводившиеся на английский язык, не слишком хорошо известны даже специалистам, а широкая публика знает пушкинские сюжеты прежде всего по операм П.И. Чайковского. Произведения А. С. Пушкина изданы в серии популярной классики издательства «Penguin», но сам этот факт, по свидетельству К. Хьюитт, является прежде всего жестом уважения к русскому канону классической литературы.

Отвечая на вопрос, вынесенный ею в заголовок статьи «Почему Пушкина не может оценить нерусский мир?», С.Г. Тер-Минасова пишет: «Главная причина непризнания и непонимания Пушкина как первой величины русской литературы – это конфликт культур, менталитетов, конфликт душ, наконец. Предвижу вопросы: А Достоевский? А Толстой? А Чехов? Ответ значит, они более интернациональны и менее национальны, чем Пушкин. Пушкин – народный писатель. Верно, это избитая фраза и на тему «народности» написано много томов научных изысканий. Но Пушкин – народный. Русский человек растет с Пушкиным и живет с ним всю жизнь» [3, 36].

Безусловно соглашаясь с выводами С.Г. Тер-Минасовой, рискнем, однако, высказать еще ряд соображений, которые, может быть, приблизят нас к ответу на ее вопрос.

Во-первых, не следует пренебрегать причинами объективного характера. Исторически сложившиеся в двух культурах, русской и англоязычной, системы стихосложения сильно отличаются друг от друга. Древнеанглийская поэзия была аллитерационной, рифма в ней – явление случайное, признак дурного вкуса и неумелости поэта. В средние века в Англии появляется силлабо-тонический стих – французская инновация, но после фонетических изменений XIV–XVII веков произношение многих слов, особенно с долгим корневым гласным, меняется, орфография при этом сохраняется в традиционном виде. В результате возникает так называемая рифма для глаз, eye

rhyme: love – stove – prove [Л – ou – u]. Рифмы Шекспира и его современников либо утрачены (eye rhyme), либо изменились:

	Рифмы XVII века	Современное звучание
Who will believe my verse in time to come	[ʃkʌm]	[ʃkʌm]
If it were filled with your most high deserts?	[dizʃ6:rts]	[dizʃ6:rts]
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb,	[ʃtʌm]	[ʃtu:m]
Which hides you life, and shows not half your parts.	[ʃp6:rts]	[ʃp6:ts]

(Шекспир. Сонет 17)

А.Д.П. Бриггс, профессор русского языка и литературы Бирмингемского университета и крупнейший пушкиновед Великобритании, отмечает: «Современный русский язык необычайно приятен для слушающих и говорящих на нем... Русский язык характеризуется гораздо большим акустическим богатством, более длинными словами и большей свободой в разворачивании порядка слов. С другой стороны, английскому свойственна большая точность, утонченность выражений и большой набор лексических средств для прояснения смысла» [4, 71]. Более 80% английских слов односложны, и А.Д.П. Бриггс приводит русские слова из текста «Евгения Онегина», которые воспринимаются им как чрезвычайно сложные именно в силу их длины: законодатель, полуживого, вдохновительной, мадригальных, счастливейших и многие другие. При переводе неизбежна замена одной силлабической модели на другую. Так, первая строфа «Евгения Онегина» включает 61 русское слово и от 81 до 92 в разных английских переводах. Фактически невозможно воссоздать при переводе на английский язык и разные типы русской рифмы (мужская, женская и т.д.)

Это в целом относится к переводу русской поэзии на английский язык. Этими же причинами объясняется практика, сложившаяся в университетах Британии: студенты-филологи, изучающие русскую поэзию, обязательно должны изучать русский язык и читать тексты по-русски, тогда как проза может изучаться по переводам.

Касаясь оценки творчества А.С. Пушкина, А.Д.П. Бриггс пишет: «Верно понять Пушкина можно, только читая его по-русски, и в любом случае сам язык вознаградит вас за те усилия, которые вы потратили на его изучение. Даже людям несведущим в литературе, но собирающимся завязать хоть какие-то контакты в Советском Союзе, нужен и этот язык, и этот поэт. Простое упоминание имени Пушкина или, еще лучше, краткая цитата из него (а их можно найти на все случаи жизни) обеспечат вам такое расположение и понимание со стороны русских людей, которые трудно объяснимы со стороны» [5, 231].

Стереотипом восприятия Пушкина англичанами является то, что в нем часто видят русского Байрона. По меньшей мере, два компонента подобного сравнения содержат в сознании английской публики основания для настороженности: мнимая подражательность и ориентация

именно на Байрона, фигуру в литературе влиятельную, но не центральную.

Тем не менее само количество исследований на английском языке, посвященных А.С. Пушкину и его творчеству, исчисляется сотнями, библиография англоязычной пушкинистики за 55 лет, с 1920 по 1975, достигла 400 работ [цит. по 2, 33]. Это свидетельствует о внимании и уважении англоязычного литературоведения к великому русскому поэту, о том, что попытки понять его не оставлены. Лучшие из них позволяют взглянуть на знакомые любому русскому читателю строки и персонажи со стороны – и с приятным удивлением отметить точность оценок, глубину понимания и необычность подходов. Так, например, разбирая систему образов «Евгения Онегина», А. Д. П. Бриггс разделяет его героев на две основные группы: на образы «дневные» (приверженность к свету) и «сумеречные, ночные». К первой группе он относит Татьяну, Ленского и самого Пушкина, ко второй – Онегина.

Анализ текста романа в стихах, сделанный английским критиком, особенно интересен. В ряде случаев А. Д. П. Бриггс высказывает взгляды, весьма типичные с точки зрения национальных стереотипов. Так, его особенное возмущение вызывает непунктуальность Онегина (данная черта часто воспринимается иностранцами как типично русская), при этом критиком не учитывается «надменная наглость» дендизма.

Две пушкинских строки из 1-й главы «Евгения Онегина», посвященных приезду Онегина в театр, анализируются Бриггсом очень подробно: он полагает, что Онегин достоин осуждения. Он живет в постоянной спешке, вся красота и гармония мира проходят мимо него. Он опаздывает в театр, идет по ногам других зрителей, но даже не думает извиниться. И вообще, можно ли представить себе, что подобный человек способен на извинения? Онегин не только непунктуальный, но и навязчивый человек, не думающий о других. Все эти качества проявятся в более поздних эпизодах произведения – примерно так критик завершает две страницы разбора данного эпизода.

Русская поэзия XIX века и, в частности, поэзия А.С. Пушкина, находится на пути к англоязычному читателю. С точки зрения диалога культур и литератур этот процесс важен для обеих сторон.

Примечания

1. Цветков А. Огонь на себя. Иностранная литература. 1998. №12.
2. Hewitt K. Understanding English literature. Oxford–N. Novgorod, 1997
3. Тер-Минасова С.Г. Почему Пушкина не может оценить нерусский мир? // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1999. №2.
4. Briggs A.D.P. Pushkin's «Eugene Onegin». Cambridge, 1992.
5. Briggs A.D.P. Alexander Pushkin. A critical Study. N.-Y. 1983.